

Теща и зять: вечная война? (2009) [Электр. ресурс] // Записки дикой хозяйки. URL: <http://www.wild-mistress.ru/wm/wm.nsf/publicall/2009-04-20-572071.html> (дата обращения: 13.09.2012).

*THE NATIONAL CULTURAL VIEW
ON FAMILY VALUES REFLECTED
IN ADVERTISING TEXTS*

Vu T. F. Thao

(The Pushkin State Russian Language Institute)

The article considers family values reflected in advertising texts from the national and cultural point in the context of the comparison of Russian and Vietnamese linguo-cultures.

Keywords: family values, sociocultural aspect, advertising text.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Vu T. F. Tkhaio. (2009) *Sovremennaiia rossiiskaia reklama v zerkale v'etnamskogo iazyka i kul'tury* //

Sviazi s obshchestvennost'iu v delovoi sfere: kommunikativnye, sotsial'nye, politicheskie aspekty: materialy Mezhdunar. nauchno-prakt. konf., 22–24 maia 2009 g. Kaliningrad: Aksios. S. 161–165.

Le Dyk Tkhu. (2003) *Natsional'naia iazykovaia lichnost' v sravnitel'no-sopostavitel'nom lingvo-kul'turologicheskom opisani (na materiale russkoi i v'etnamskoi kul'tur): dis. ... d-ra filol. nauk. M.*

Sergeeva, A. V. (2008) *Russkie stereotipy povezeniia, traditsii, mental'nost'. M.: Flinta; Nauka.*

Starodubtsev, V. F. (2007) *Delovoe vzaimodeistvie — put' k uspekhu (problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii v sfere biznesa i predprinimatel'stva). M.: Ekonomika.*

Teshcha i ziat': vechnaia voia? (2009) [Elektr. resurs] // *Zapiski dikoi khoziaiki*. URL: <http://www.wild-mistress.ru/wm/wm.nsf/publicall/2009-04-20-572071.html> (data obrashcheniia: 13.09.2012).

Трансформации пространственных характеристик текстов художественной литературы в процессе перевода

В. Н. КАРПУХИНА

(АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье рассматриваются проблемы изменений пространственных координат текстов детской литературы при переводе с английского языка на русский.

Ключевые слова: пространство, перевод, художественный текст.

Междисциплинарный подход к хронологическим характеристикам текстов художественной литературы задан традицией исследований М. М. Бахтина, и, с нашей точки зрения, данный подход является наиболее плодотворным на сегодняшний день, поскольку особенности трансформаций хронотопа в текстах переводов художественной литературы затрагивают лингвистические, философские, литературоведческие и многие другие аспекты изучения данной проблемы. Бахтин предлагает называть хронотопом «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художест-

венно освоенных в литературе» (Бахтин, 1975: 234).

Наиболее релевантными в концепции, выстроенной Бахтиным, для нас являются два момента: 1) неразрывность в художественном тексте пространства и времени (понимание времени как четвертого измерения пространства) (там же: 235) и 2) осмысление хронологического единства текста как основного условия его интерпретации («Всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» (там же: 406). Безусловно, в каждом из рассматриваемых нами текстов переводов художественной литературы ка-

кая-то одна из составляющих хронотопического единства может оказаться преобладающей (подробнее см.: Карпухина, 2008). В соответствии с когнитивно-аксиологическим пониманием текста как области взаимодействия нескольких континуальных смысловых единств (Лузина, 1996: 87), одно из которых, как правило, является доминирующим, могут быть выявлены смысловые единства времени, места, участников и т. д. Однако все перечисленные выше континуальные смысловые единства текста признаются принципиально объединенными в единое смысловое поле интерпретации, частным случаем которой выступает перевод текста с одного языка на другой.

В процессе перевода могут наблюдаться разнообразные трансформации хронотопических составляющих художественного текста: взаимозамена пространственных и временных характеристик, опущение/добавление характеристик места или времени действия, изменения пространственно-персональных характеристик текста и т. п. В зависимости от аксиологических стратегий, используемых переводчиком текста художественной литературы, и в зависимости от современной ему актуальной парадигмы научных знаний о переводе (Карпухина, 2011) происходят эти, а также некоторые другие изменения хронотопических характеристик текстов переводов художественной литературы, причины и следствия которых будут рассмотрены далее.

Разные точки зрения исследователей-когнитологов на первичность/приобретенность базовых концептов при освоении окружающего мира помогают оценить природу и разнообразность содержания концепта ПРОСТРАНСТВО в разных индоевропейских языках (Кубрякова, 1997; Кравченко, 1996; Топоров, 1997, 2006). Осмысляя естественную категорию пространства как одну из основных, «самых важных для восприятия мира и всей жизнедеятельности человека, а поэтому одну из самых существенных по своим последствиям» категорий, Е. С. Кубрякова пишет, что пространство — это «среда всего сущего, окружение, в котором все происходит, некая заполненная

объектами и людьми пустота» (Кубрякова, 1997: 26). Прототипический образ пространства как заполненной/незаполненной объектами пустоты противопоставлен пониманию пространства именно как места, «вместилища», не более того, в работе (Кравченко, 1996). Концепту МЕСТО и особенностям его категоризации в индоевропейских языках посвящены работы В. Н. Топорова (Топоров, 1997, 2006).

Особенности пространственного членения мира в соответствии с естественной категоризацией, свойственные архаическим культурам, находят свое воплощение в пространственных моделях детской художественной литературы (ср. подобные наблюдения о соотношении мифологического и сказочного хронотопа: Руднев, 2000; Ковтун, 2008). Точка пространственно-временного отсчета (*setting* в терминологии английских когнитологов) в большей степени соотносится с понятием *места*, а не *пространства* (ср. противопоставление в этом отношении концептов PLACE и SPACE: Johnston, 2006: 49). При этом достаточно часто в текстах детской художественной литературы пространство является вымышленным: «Many of the spaces in children's books are imaginative spaces in much the same way — spaces of the mind» (там же: 49). Четкого противопоставления пространственных характеристик вымышленных, ментальных миров и мира реальной действительности в исследованиях по детской литературе не произведено, хотя понятию *ментальные миры* уделено достаточное внимание в монографиях (Степанов, 1998; Арутюнова, 1999; Никитин, 2003 и др.).

Критика специализации места действия детской художественной литературы как чего-то «неприкосновенного, священного» (*sacrosanct*) (Johnston, 2006: 59) дает возможность интерпретировать пространство детских книг, в особенности сказочных, как «священного места», уникального и обладающего собственными специфическими характеристиками. Определение хронологической составляющей сказочных повестей для детей с помощью метафорического термина *pockets of time* (букв. «карманы времени») свидетельствует об этой уникальности и выделенности зоны простран-

ства детского художественного текста при сравнении его с другими ментальными мирами (вымышленными пространствами) художественной литературы, ориентированной на взрослую аудиторию. Номинация данного скрытого для непосвященных пространства достаточно часто совпадает с названиями сакральных мест архаических ритуалов (*the Hundred Acre Wood, the Neverland, the Emerald City of Oz, the Jungle*): это лес, остров, заповедный город, заповедная страна и т. п. Возможно детальное выстраивание автором географических объектов этой страны (ср. карты, прилагаемые к текстам повестей Дж. Р. Р. Толкиена о Средиземье) или же обозначение местонахождения этой заповедной местности с предельной условностью (*...the Neverland is always more or less an island... Of course the Neverlands vary a good deal* [Barrie, 2008: 9–10]).

В качестве одной из наиболее распространенных переводческих трансформаций рассмотрим замену топонима с основным локальным компонентом значения в тексте оригинала на топоним с основным темпоральным компонентом значения в тексте перевода. В текстах повестей А. А. Милна о Винни-Пухе основным локусом действия становится *the Hundred Acre Wood*. Данное наименование передано достаточно адекватно только в тексте перевода В. Руднева, хотя и с определенными отступлениями от русскоязычной орфографии (*Сто-Акрвовый Лес*), что свидетельствует о нарушениях узуальной нормы перевода. В тексте перевода-пересказа Б. Заходера и перевода В. Вебера и Н. Рейн данный локус обозначается как *Древний-Древний Лес* и *Столетний Лес* — соответственно. Сознательная мифологизация пространства Леса происходит за счет добавления в тексты переводов темпоральных определений (*древний-древний, столетний*), никак не обозначенных в тексте оригинала. При этом наиболее далекий на первый взгляд от постмодернистских процессов мифологизации текста Б. Заходер осуществляет наибольшую трансформацию семантики топонима (ср. *Вековечный Лес* в переводе эпопеи Толкиена на русский язык В. Муравьевым). Добавление сказочных вре-

менных смыслов в номинацию места действия связано, с одной стороны, с неразрывностью смыслов хронотопических элементов сказки (если Лес — то *дремучий, древний*; единица сто для обозначения возраста Леса возникает у Вебера, видимо, за счет компенсации меры площади Леса). Противопоставление цивилизованного мира нарратива сказочных повестей, в котором существуют рассказчик и Кристофер Робин (*Лондонский зоопарк, дом, в котором Кристофер Робин идет спать*), и вполне цивилизованно ограниченного в пространстве лесного участка, где обитают игрушечные звери, в переводе на русский язык существенно изменяется. Британский лес (площадью *100 акров*) с остатками табличек о возможном наказании для нарушителей границ (*Tresspassers W...*) превращается в архаичное и непонятное место, в котором случается (в версии комментария Руднева) Мировой Потоп, произрастает Мировое Дерево, на которое, как бог Один за медом поэзии, взбирается Поэт Пух, почти Пушкин (Руднев, 2000: 17–18). Таким образом, добавление при переводе темпорального элемента в пространственно ориентированную номинацию основного локуса достаточно сильно изменяет смыслы текста оригинала. С точки зрения когнитивной семантики, однако, противопоставление фона и фигуры не нарушается (в качестве фигуры выступает Лес как прототипическое место действия сказки, в качестве фона — размытое множество характеристик Леса). Однако стоит отметить, что выражение пространственного значения у словосочетания *the Hundred Acre Wood* в переводах Вебера и Заходера осуществляется с помощью не ядерных, а периферийных средств выражения значения места (с добавлением оттенка темпоральной семантики).

Сохраняя прототипическую семантику концепта ЛЕС, Руднев в своем переводе усиливает его значение *дремучести* и *древности* за счет буквальной передачи номинации основного места действия в Стоакровом Лесу: *the House at Pooh Corner* он переводит как *Дом в Медвежьем Углу*, обыгрывая русскоязычное словосочетание *медвежий угол* (далекое от цивилизации место, живущее по архаич-

ческим законам). В этом смысле игровая заходеровская номинация данного места (повторенная потом в переводе Вебера) *Дом на Пуховой Опушке* определяет положение жилища одного из главных героев как пограничное между цивилизованной и таинственной, сказочной областью пространства (*опушка* — край леса). В номинации текста оригинала существительное *Corner* такой семантики не имеет, оно лишь обозначает определенную часть леса, принадлежащую лично Винни-Пуху (здесь Милном снова обыгрываются отношения частной собственности). Элемент языковой игры, присутствующий в тексте оригинала за счет реализации периферийных смыслов пространственного обозначения *corner*, передается только в переводе Руднева: приемом языковой игры становится смешивание значений свободного и устойчивого словосочетаний русского языка.

Несколько иным приемом языковой игры пользуется И. Токмакова при передаче названия основного локуса сказочной повести Дж. М. Барри о Питере Пэне. Равновесие пространственной и временной семантики английского топонима создается за счет двухчастной структуры слова *the Neverland* (*never* — никогда + *land* — земля/страна). В тексте оригинала оно создано с помощью имитации языковой игры в детской речи (аналогия с неправильным произношением/написанием *the Netherlands* — Нидерланды) и наименованиями островов с компонентом *-land* (*New Zealand, Iceland, Greenland*). В текстах перевода повести Барри нет смыслового равновесия хронотопических элементов в названии: И. Токмакова выбирает версию *остров Нетинебудет*, Б. Заходер — *остров Гдетотам*. В первом случае доминирующей оказывается семантика темпоральности, во втором — пространственности. Оба наименования созданы, как и в тексте оригинала, с использованием приема языковой игры: копируя особенность морфемной структуры сложных слов английского языка (по сути дела, предвосхищая стратегию остранения английских наименований аналитического перевода Руднева (ср.: *И-Ё-Хауз* (Руднев, 2000: 174): для обозначения жилища ослика *Eeyore* звукоподражательное

имя персонажа соединяется с русскоязычной транскрипцией английского слова *дом*), переводчики выбирают один из аспектов обозначения «не существующего во времени и пространстве острова». Прототипическим элементом выступает существительное *остров*, не так часто упоминаемое вместе с именем собственным *the Neverland* в тексте оригинала. Еще одним прототипическим элементом семантики становится неопределенность существования объекта в пространстве или во времени. Будущее время, часто используемое в детской художественной литературе, создает особую «этику надежды» (Johnston, 2006: 58), которая помогает сформировать «время фантазии» (*dream-time, idyllic time*) (там же: 59) детских текстов. Принципиально отрицающий Время самим своим существованием, никогда не взрослеющий Питер Пэн в качестве места своего обитания получает остров/страну, которой не будет никогда. Меняющиеся контуры и разное объектное наполнение данного фантастического места (*John's, for instance, had a lagoon with flamingoes flying over it which John was shooting, while Michael, who was very small, had a flamingo with lagoons flying over it. John lived in a boat turned upside down on the sands, Michael in a wigwam, Wendy in a house of leaves deftly sewn together...* (Barrie, 2008: 10), экзотические растения, которые неизвестны взрослым персонажам (...*Mrs Darling examined them carefully; they were skeleton leaves, but she was sure they did not come from any tree that grew in England* (там же: 13–14), позволяют выделить компонент неопределенности в качестве основного смыслового компонента данного пространственного наименования. Пространственный компонент значения лексемы *the Neverland* в переводе И. Токмаковой не передается, но компенсируется отчасти большим количеством употребления лексемы *остров* вместе с его названием. В переводе Б. Заходера, наоборот, сохраняется лишь элемент пространственной, а не временной семантики рассматриваемого топонима. Данный топоним *остров Гдетотам* является еще и аллюзией на собственное заходеровское изобретение имени собственного для неизвестного животного *Южный Ктото-*

там, созданного по правилам языковой игры в детской речи.

Изменение *ментальной карты человеческого сознания* (*a map of a person's mind*) (там же: 9), о которой иронически писал Барри в своей повести и которая, к сожалению, даже не упоминается в тексте перевода И. Токмаковой, через сто лет после первого опубликования текста оригинала приобрело не столько географический, сколько когнитивный смысл. Данную карту человеческого сознания составляют не только топонимы воображаемых мест земного шара; не менее важным ее элементом в тексте Барри становятся имена вымышленных (или мифологизированных) персонажей литературы и истории, служащие когнитивным фоном для развития сюжета «пиратской темы». Исключение из текста перевода подобного элемента культурологической парадигмы знания существенно меняет смыслы текста (о широких возможностях культурологической интерпретации художественного текста см.: Луков, 2011).

В тексте перевода И. Токмаковой прецедентные пиратские имена (*Flint, Morgan*) не переданы, и пиратская команда капитана Джеймса Крюка лишается своей пространственно-временной точки отсчета в истории. Тот же эффект полного отрыва нарратива от конкретных пространственных координат возникает, когда переводчица не передает на русский язык названия индейских племен (*the Delawares, the Hurons*), потомки которых обитают на сказочном острове. Имена собственные, отсылающие к вымышленным топосам детской приключенческой литературы, безусловно, являлись в тексте оригинала когнитивным фоном для действия новых персонажей, и отсутствие их в тексте перевода ведет к упрощению пространственно-временной координации смыслов текста. Традиционные стратегии перевода, которых сознательно и последовательно придерживается И. Токмакова, предполагают снятие «этики жестокости» в текстах детской литературы, и даже иронически обыгрываемые в тексте оригинала «кровавые детали» пиратских походов отрицательных персонажей оказываются смягчены или выпущены из текста перевода: *Bill Jukes*

who got six dozen on the Walrus from Flint; Great Big Little Panther, a brave of so many scalps that in his present position they somewhat impede his progress (Barrie, 2008: 66; 68).

Подобную функцию создания фона вымышленного пространства играют интертекстуальные элементы в «Книге Джунглей» Р. Киплинга, переведенной на русский язык Е. Чистяковой-Вэр под общей редакцией Е. Перемышлева (Киплинг, 1998). В некоторых случаях отсылки к текстам Л. Кэрролла маркируются как фрагменты чужого текстового пространства, т. е. эпиграф — как, например, стихотворный фрагмент текста о Твиддаме и Твидди (о цитате как маркере чужого текста см.: Кузьмина, 2009: 99–100). Представляется достаточно интересным то, что в тексте «Книги Джунглей» данный эпиграф предваряет единственный рассказ об английском (колонизаторском), а не коренном населении (к какой бы местности это ни относилось — Крайний Север, Индия и пр.). Рассказ носит характерное ироническое название «Слуги Ее Величества». Маркированность британской части пространства как «чужого», выделение его своеобразной эпиграфической границей, адекватно переданной на русский язык переводчицей, представляется нам своеобразным разграничением «осмысленного» и «бессмысленного» пространства «Книги Джунглей». Цивилизованная, британская его часть маркируется Киплингом как «бессмысленное» (ср. обыгрывание несколько иной ситуации в рассказе «Чудо Пуран Бхагата»: Карпущина, 2007), что и передано переводчиками на русский язык. В случае внутритекстовых аллюзий на тексты Кэрролла, использованных в тексте Киплинга и адекватно переданных на русский язык (*the Frog-Footman — Ливрейный Лакей-Лягушка* в рассказе «Белый Тюлень», упоминание о *людях в Дели, якобы ходящих на головах*, в рассказе «Могильщики» (Киплинг, 1998: 107, 243), они расширяют границы вымышленного пространства текста оригинала и текста перевода до общего игрового пространства детской литературы. Абсолютные приоритетные стратегии переводчиков в данном случае заключаются в поиске адекватных прецедентных имен собственных персонажей, известных

в семиосфере русскоязычной культуры. Подобное расширение вымышленного пространства текста Киплинга не было актуальным для одного из первых переводов на русский язык «Книги Джунглей», выполненного Н. Дарузес. Данный сокращенный перевод-адаптация под названием «Маугли» оказался «вынутым» из общего смыслового пространства «Книги Джунглей». При исчезновении рассказов и повестей, создающих пространственную мозаику «Книги Джунглей» (действие в них разворачивается на острове Св. Павла, на Лабрадоре, в Индии, Афганистане, во внутреннем мире джунглей), тщательно выбранная история одного из главных персонажей — Маугли — выглядит сказкой, а не мифологизированным ироническим эпосом, как это задумывал Киплинг. Снятие «рамочных» пространственных координат текста оригинала, отмечаемых не только с помощью иноязычных имен собственных и средств пространственного дейксиса, но еще и с помощью иноязычных коммуникативных фрагментов (в частности, на псевдорусском или транскрибированном русском языке в рассказе «Белый Тюлень»), значительно упрощает пространственную структуру текста Киплинга в переводе Н. Дарузес. Очерчивание границ внутреннего/внешнего пространства в тексте «Книги Джунглей» происходит за счет маркирования пространства коммуникации фрагментами речи на разных языках, в том числе и вымышленных, и имитированных Киплингом. Выбор аксиологических стратегий переводчиков в данном случае не слишком велик: либо передавать иноязычные коммуникативные фрагменты тем же способом, что и в тексте оригинала, сохраняя авторскую стратегию, либо производить адаптацию данных фрагментов (перевод, комментирование внутри текста или за пределами текста) (подробнее см.: Карпухина, 2006). В случае перевода на русский язык транскрибированных русских или псевдорусских коммуникативных фрагментов переводчики противопоставляют стратегии остранения стратегию «одомашнивания» значений этих фрагментов, посвящая объяснению своего решения обширную часть переводческого комментария к «Книге Джунглей»: «Название

бухты звучит для русского уха не менее причудливо, чем англо-индийский жаргон, и переводить *Novastoshnab* следовало чем-то вроде *Новастошна*, но это было бы чересчур... *Морской Ловец* — так, на английский манер, — *Sea Catch* — автор воспроизводит русское название взрослого самца морского котика, *секача*» (Киплинг, 1998: 414). Обозначение разноязычного коммуникативного пространства и персонажей, способных/неспособных преодолеть его границы, как одну из самых характерных черт текстов Киплинга воспроизводит и в сокращенном переводе Н. Дарузес.

Однако, несмотря на перечисленные выше некоторые трансформации характеристик пространства сказочных повестей при их переводе с английского языка на русский (взаимозамена пространственных и временных компонентов значения в основных топонимах, опущение/добавление пространственных маркеров основного локуса текстов, расширение/сужение внутритекстового коммуникативного пространства, «одомашнивание» иноязычного коммуникативного пространства и т. д.), пространственные характеристики текстов детской литературы в переводе могут быть оценены как наиболее устойчиво передающиеся в семиосфере иной культуры. Они позволяют определить когнитивно-аксиологические установки переводчиков текстов детской литературы в определенную литературно-историческую эпоху и показать векторы теоретического и практического развития взглядов на перевод в области выстраивания возможных миров текста с точки зрения их пространственного моделирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова, Н. Д. (1999) Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры.
- Бахтин, М. М. (1975) Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит.-ра.
- Карпухина, В. Н. (2006) Аксиологические стратегии порождения текста: функции иноязычных коммуникативных фрагментов в тексте // Язык и межкультурная коммуникация: материалы 3-й Межвуз. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во СПбГУП. С. 212–213.
- Карпухина, В. Н. (2007) Особенности передачи средств межкультурной коммуникации в про-

изведениях Р. Киплинга // Человек — коммуникация — текст : сб. ст. / под ред. А. А. Чувакина. Барнаул : Изд-во АлтГУ. Вып. 7. С. 64–72.

Карпухина, В. Н. (2008) Аксиологические стратегии текстопорождения и интерпретации текста. Барнаул : Изд-во АлтГУ.

Карпухина, В. Н. (2011) Аксиологические стратегии интерсемиотического перевода текстов художественной литературы в ситуации межкультурной коммуникации // Известия Алтайского государственного университета. № 2–1 (70). С. 129–134.

Киплинг, Р. (1998) Книга Джунглей. Стихотворения и баллады. М. : Олимп ; ООО «Издательство АСТ-ЛТД».

Ковтун, Е. Н. (2008) Художественный вымысел в литературе XX века : учеб. пособие. М. : Высшая школа.

Кравченко, А. В. (1996) Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 55. № 3. С. 3–24.

Кубрякова, Е. С. (1997) Язык пространства и пространство языка // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 56. № 3. С. 22–31.

Кузьмина, Н. А. (2009) Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка М. : Книжный дом «Либроком».

Лузина, Л. Г. (1996) Распределение информации в тексте (когнитивный и прагматилистический аспекты). М. : ИНИОН РАН.

Луков, Вл. А. (2011) Возможности культурологии как парадигмы гуманитарного знания // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 68–71.

Никитин, М. В. (2003) Основания когнитивной семантики : учеб. пособие. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена.

Руднев, В. П. (2000) Винни Пух и философия обыденного языка. М. : Аграф.

Степанов, Ю. С. (1998) Язык и метод. К современной философии языка. М. : Языки русской культуры.

Топоров, В. Н. (1997) Пространство и текст // Из работ московского семиотического круга. М. : Языки русской культуры. С. 455–515.

Топоров, В. Н. (2006) О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2 : Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 2. М. : Языки славянских культур. С. 246–340.

Varrie, J. M. (2008) Peter Pan / на англ. яз. М. : Юпитер-Интер.

Johnston, R. R. (2006) Childhood: A Narrative Chronotope // Children's Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / ed. by P. Hunt. Vol. 3 : Cultural Contexts. L. ; N. Y. : Routledge, Taylor & Francis Group. P. 46–68.

*THE TRANSFORMATIONS OF SPACE
CHARACTERISTICS IN THE TRANSLATED
FICTION TEXTS
V. N. Karpukhina
(Altai State University)*

The article considers the issues of space coordinates changes in the children's literature texts translated from English into Russian.

Keywords: space, translation, fiction text.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Arutiunova, N. D. (1999) Iazyk i mir cheloveka. M. : Iazyki russkoi kul'tury.

Bakhtin, M. M. (1975) Voprosy literatury i estetiki. M. : Khudozh. lit-ra.

Karpukhina, V. N. (2006) Aksiologicheskie strategii porozhdeniia teksta: funktsii inoiazychnykh kommunikativnykh fragmentov v tekste // Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia : materialy 3-i Mezhhvuz. nauch.-prakt. konf. SPb. : Izd-vo SPbGUP. S. 212–213.

Karpukhina, V. N. (2007) Osobennosti peredachi sredstv mezhkul'turnoi kommunikatsii v proizvedeniakh R. Kiplinga // Chelovek — kommunikatsiia — tekst : sb. st. / pod red. A. A. Chuvakina. Barnaul : Izd-vo AltGU. Vyp. 7. S. 64–72.

Karpukhina, V. N. (2008) Aksiologicheskie strategii tekstoporozhdeniia i interpretatsii teksta. Barnaul : Izd-vo AltGU.

Karpukhina, V. N. (2011) Aksiologicheskie strategii intersemioticheskogo perevoda tekstov khudozhestvennoi literatury v situatsii mezhkul'turnoi kommunikatsii // Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. № 2–1 (70). S. 129–134.

Kipling, R. (1998) Kniga Dzhunglei. Stikhotvoreniia i ballady. M. : Olimp ; ООО «Izdatel'stvo AST-LTD».

Kovtun, E. N. (2008) Khudozhestvennyi vymysel v literature XX veka : ucheb. posobie. M. : Vysshiaia shkola.

Kravchenko, A. V. (1996) Kognitivnye struktury prostranstva i vremeni v estestvennom iazyke // Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka. T. 55. № 3. S. 3–24.

Kubriakova, E. S. (1997) Iazyk prostranstva i prostranstvo iazyka // Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka. T. 56. № 3. S. 22–31.

Kuz'mina, N. A. (2009) Intertekst i ego rol' v protsessakh evoliutsii poeticheskogo iazyka M. : Knizhnyi dom «Librokom».

Luzina, L. G. (1996) Raspredelenie informatsii v tekste (kognitivnyi i pragmatilisticheskii aspekty). M. : INION RAN.

Lukov, Vl. A. (2011) Vozmozhnosti kul'turologii kak paradigmy gumanitarnogo znaniia // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 1. S. 68–71.

Nikitin, M. V. (2003) Osnovaniia kognitivnoi semantiki : ucheb. posobie. SPb. : Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena.

Rudnev, V. P. (2000) Vinni Pukh i filosofii obydennoogo iazyka. M. : Agraf.

Stepanov, Iu. S. (1998) Iazyk i metod. K sovremennoi filosofii iazyka. M. : Iazyki russkoi kul'tury.

Toporov, V. N. (1997) Prostranstvo i tekst // Iz rabot moskovskogo semioticheskogo kruga. M. : Iazyki russkoi kul'tury. S. 455–515.

Toporov, V. N. (2006) O poniatii mesta, ego vnutrennikh svyaziakh, ego kontekste (znachenie, smysl, etimologiya) // Toporov V. N. Issledovaniia po etimologii i semantike. T. 2 : Indoevropeskie iazyki i indoevropeskaya kn. 2. M. : Iazyki slavianskikh kul'tur. S. 246–340.

Barrie, J. M. (2008) Peter Pan / na angl. iaz. M. : Iupiter-Inter.

Johnston, R. R. (2006) Childhood: A Narrative Chronotope // Children's Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / ed. by P. Hunt. Vol. 3 : Cultural Contexts. L. ; N. Y. : Routledge, Taylor & Francis Group. P. 46–68.